

АЛЕКСАНДР НАМГАЛАДЗЕ

**Записки рыбакова-любителя.
Часть 6. Ельцинские времена.
Том 6.2. 1997–1999 гг.**

Александр Намгаладзе
Записки рыбакова-любителя.
Часть 6. Ельцинские времена.
Том 6.2. 1997–1999 гг.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22876249

ISBN 9785448374913

Аннотация

В настоящем двухтомнике на базе дневников, воспоминаний и переписки автора описаны события 90-х годов 20 века, происходившие в Полярном геофизическом институте Российской академии наук и Морской государственной академии рыбопромыслового флота и за их пределами. События происходят в Мурманске, Апатитах, Калининграде, Москве, Владимире, Сестрорецке и за рубежом. Авторское фото на обложке тома 6.2: Киты-пилоты у берегов Тенерифе, 7 октября 1997 г. (Глава 632)

Содержание

1997 г.	6
625. Январь. Повышение квалификации Ирины в Москве. Мосхадов – президент Чечни. Защита Бессараба в ИЗМИРАНе	6
626. Февраль. Поездка с Олегом в Тромсё	8
627. Март. Заказ недель на Тенерифе	20
628. Апрель. Ельцин с Лукашенко союз создали непонятный. Катание на лыжах с загоранием. Гострем умер	24
629. Май. Лебле в Мурманске. Ельцин с Мосхадовым мирный договор подписали. «Солдаты худеют, понимаешь, а генералы жиреют». «Пока ругаешь жизнь, она проходит»	26
630. Июнь. Рассказ тёти Тамары. В Лестере, Стрэтфорде и Лондоне	33
631. Июль. Главный редактор «Вестника МГТУ»	52
632. Август. Дядя Серёжа Мороз умер. Памятник моим родителям	57
633. Сентябрь. Первая лекция по физике программистам. Поездка Мити в Италию на школу по липидной сигнализации.	64

Предложение аспирантуры у Даниелы Корды
Конец ознакомительного фрагмента.

**Записки рыболова-
любителя. Часть 6.
Ельцинские времена.
Том 6.2. 1997—1999 гг.
Александр Намгаладзе**

© Александр Намгаладзе, 2017

ISBN 978-5-4483-7491-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1997 г.

**Мурманск – Апатиты –
Москва – Владимир –
Калининград – Тромсе – Лестер –
Лондон – Рим – Тенерифе**

**625. Январь. Повышение
квалификации Ирины в Москве.
Мосхадов – президент Чечни.
Защита Бессараба в ИЗМИРАНе**

Я н в а р ь 1 9 9 7 г.

1 января. С Митей по очереди (по одному самоучителю) испанским занимаемся.

8 января. Проводили Митю в Москву, где его Ирина уже ждёт, приехавшая на два месяца повышать квалификацию. Собирается у Мити жить. А Иван с детьми один остался – герой!

10 января. Пришёл каталог RCI с красивой членской карточкой, на которой вытеснена фамилия MAMGALADZE.

12 января. Конец полярной ночи – увидели солнышко с вершины нашей горы. Открытие лыжного сезона у Сашули.

14 января. Роман Юрик на работу в ПГИ взят эмэнэсом в мой сектор.

15—17 января. Конференция «Юность Севера». По физике первое место Паша Лебедев занял (он же и по информатике), второе Путинцев-младший, а третье – наши Туркин с Сюриным. Додонов и Кобец без призов остались, но у них и результата ещё не было.

19 января. Крещение. Минус 25 градусов. Как и положено: самый пока холодный день. Полтора часа катался по снегоходовой трассе недалеко от нашей горы (на которой наш дом стоит). А накануне час пятьдесят там же бегал.

28 января. Аслан Масхадов – президент Чечни. У Феде Бессараба защита в ИЗМИРАНе. С трудом (денег нет в университете, да и просто оформление командировки жутко беготное, все, кому не лень, гоняют) отправил Власкова в Москву оппонировать Феде.

626. Февраль. Поездка с Олегом в Тромсё

Ф е в р а л ь 1 9 9 7 г.

Моё письмо детям от 3—4 февраля 1997 г.

Здравствуйте, дорогие наши детки!

Получили от вас письмо, писанное Митей 20 января. Рады, что всё у вас в порядке, и надеемся, что и дальше так будет. Вот только про Иринкино «повышение квалификации» мало что узнали. Где и как оно проходит, в каком институте, как туда добираться? Чем Ирина по вечерам занимается? Как они с Михеичем – не стесняют друг друга на ограниченном жизненном пространстве?

У нас главное событие – мама зубы меняет. Сегодня должны были уже верх поставить, да техник загулял. Я с тоской думаю, что скоро и мне надо будет чего-то делать с шатающимися остатками моих верхних зубов, которые служат мне лишь в качестве сомнительного украшения.

День сейчас быстро прибывает, что радует.

В Тромсе мы с Олегом Мартыненко летим 10-го, визы уже получили.

22 января Милочке исполнилось 45 («баба ягодка опять»), мы пытались дозвониться, но телефон не отвечал. Наверное, отмечали день рождения на новой квартире. У них внук родился 8 декабря, а нам ничего не сообщили да-

же (я от Любы узнал по телефону). Милочка зашивается, наверное, поэтому молчит. Что Андрюшка защитил диссертацию, а Жора в Брюсселе, вы, наверное, знаете. Навестили бы тётку Любу, она будет рада. Впрочем, и бабулю Тоню надо навестить, а мотаться-то, конечно, нелегко и накладно, – ну, уж как сумеете.

28 января в ИЗМИРАНе Федя Бессараб защитил кандидатскую (голосование 14:0) – мой десятый кандидат наук, я у него официальный научный руководитель вместе с Кореньковым. Власков ездил на защиту в качестве официального оппонента.

В каталоге RCI Клуб Сан Антонио сфотографирован со двора, там у него, оказывается, бассейн прямо к дому примыкает. У меня никак не доходят руки выяснить все порядки в этом клубе и спланировать все причитающиеся недели (ваучерную, приветственную от RCI и свою в клубе). Непонятно пока, куда пристегнуть приветственную.

Я тут маму похвалил, как она причесалась, и сказал:

– Вот всегда так причёсывайся.

А она мне ответила:

– Слишком жирно будет.

На работе процесс не затихает. Всё доводим до ума начатые в прошлом году исследования, а тут ещё лицеисты и мой новый аспирант Роман Юрик (толстенький, лысенький, усатенький, физфак львовского университета закончил три года назад) передыху не дают ни мне, ни маме. И это при том,

что в ПГИ я считаюсь в отпуске, а работаю на полную ставку в университете, где занятия начнутся на следующей неделе.

Переживаем за Ивана. Как он там управляется?

Испанским по-прежнему занимаюсь по выходным в свободное от лыж время. Завидую Мите, его аудиокассетным возможностям.

Вот пока и все наши новости. Ждём ваших писем, целуем. Папа, мама.

Моё письмо детям от 20—22 февраля 1997 г.

Здравствуйте, дорогие наши детки!

В понедельник, **17 февраля** я вернулся из Тромсё, спешу отчитаться о поездке. В предыдущий понедельник, **10 февраля** мы с Олегом Мартыненко стартовали из ПГИ, куда явились с вещами, в 11 утра. Нам была обещана машина в аэропорт, но оказалось, что нет бензина, надо заправляться, и мы должны бензин оплатить. Такие у нас, оказывается, порядки. Я Терещенке высказался, что хорошо бы с ними знакомиться заранее, а то у меня, например, рублей только на обратную дорогу из аэропорта, зачем мне рубли в Норвегии?

Впрочем, рубли нашлись, их немного, конечно, требовалось, но настроение было слегка подпорчено. Интересно, как мне Терещенко объяснял, почему мы должны платить за бензин: чтобы народ не привыкал к роскоши, а то ведь эдак каждый будет себе машину требовать, а правила долж-

ны быть для всех одинаковыми. Можно подумать, что у него очередь желающих в аэропорт на машине отправиться.

Даже с заездом на заправку в пиковое время, мы прибыли в аэропорт за два часа до отлёта и ждали час до начала регистрации. Таможенники потребовали разрешение на дискеты (20 штук везли: модель и данные), которое мы благоразумно оформили заранее. Больше ничего не проверяли.

Рейс у нас аэрофлотовский Мурманск-Тромсё. Норвежцы попросили нас купить билеты в Мурманске самим, а они потом, мол, оплатят. Мы взяли туда и обратно, заплатив по 1 160 000 р (а если только туда, то цена 900 000 р), и очень удивились, прочтя на билетах их долларовую цену: 364\$. Там же в билете указано, что 1 USD = 2839 (!) рублей. Оплатили же нам, естественно, по долларовой цене в норвежских кронах.

Самолёт – закопчённый Ан-24, старше Олега. Кормили слабо. Народу полный салон. Летели 1 час 40 минут, на правом (северном) борту, сначала до Верхне-Тулумского, а оттуда повернули на северо-запад через Финляндию к Тромсё. В аэропорту Тромсё проверяли только паспорта (никакого таможенного досмотра), но долго, нас по радио объявляли (что нас ждут у справочного бюро).

Встречал нас Крис Холл на университетской «Тойоте». Он – англичанин, приехал сюда на ЕИСКАТ (Европейская установка некогерентного рассеяния из двух огромных радаров) 15 лет назад, женился и остался, понравилось. Правда,

с женой развёлся (оказалось, это Шейла Кирквуд, с которой Аля Осепян в Кируне работает, и которая на Корсику с младенцем моталась). Теперь живёт с секретарём обсерватории Марит Крокстад.

Всё это он рассказал нам по дороге в отель «Навна», расположенном на северо-восточной окраине порта, прямо под университетом. Там мы поселились в соседних одноместных номерах, обговорили с Крисом завтрашнюю встречу и расстались с ним.

Вечером гуляли в центр, до которого три километра по самой нижней улице вдоль берега (я по этой трассе бегал в прошлый свой приезд сюда осенью 1993 года), глазели на витрины. Я искал словарь какой-нибудь норвежско-русский или английский небольшой, но не нашёл. Буханка хлеба – 20 крон, пицца – 100, но хороший большой фотоальбом – тоже 100, как у нас. По футболу всякой всячины на английском до фига, типа полной иллюстрированной истории МЮ или «Ливерпуля» за 200 крон. Вообще книги все в пределах 100—200 крон, журналы – 20—50 крон.

Сугробы в Тромсё огромадные, в два метра и выше, но чистят хорошо. Народ всюю на горных велосипедах по льду и снегу разъезжает, а также на финских санках.

Вечером в отеле нас ждал оплаченный ужин (карбонад жареный за 75 крон), после которого мы отправились по койкам. На прикроватных тумбочках прекрасные евангелия параллельно на английском и норвежском – абзац напротив аб-

заца, очень удобно изучать язык.

Утром позавтракали (шведский стол, Олег селёдки напоследок наелся, потом от жажды страдал). Вся эта ночёвка с питанием стоила по 840 крон на каждого (по 140 долларов). Крис заехал за нами в 8.30. У них рабочий день с 8 до 15.45, большинство магазинов работает с 9 до 16, в пятницу до 19, в субботу с 10 до 14, а в воскресенье все отдыхают.

Поехали в университет за деньгами. Интересные современные корпуса, особенно новое здание департамента рыбных исследований. Проблема парковки: куча стоянок в сугробах, но и куча машин студентов и преподавателей. Пошли сначала в «бухгалтерию» (один человек управляется) заполнять ведомости.

Справку Ингосстраха забыли в машине. Крис дал Олегу ключ от машины и предложил сходить за ней (чтобы получить деньги за оплаченную нами страховку), но Олег испугался, что не найдёт стоянку, и они пошли вдвоём, а я остался заполнять бумажки за себя и Олега. Когда он вернулся, мы бумажки перепутали и расписались не в своих формах. Я подумал, что всё по новой заполнять придётся, но бухгалтерша быстренько замалевала белилами наши подписи, и мы расписались правильно.

Потом зашли в университетский книжный магазин, весьма богатый, где я купил (у меня с собой было 200 крон, купленных ещё в Мурманске) словарь норвежско-английский и обратно за 89 крон, тогда как такой же (даже потоньше)

норвежско-русский стоит 149 (спрос и тираж меньше) и настенный календарь с видами Тромсё за 45 крон, который внизу стоит 60.

Получили деньги (я 5360 крон) и отправились меня селить в одну из университетских квартир в центре, рядом с кинотеатром «Фокус», на самой центральной пешеходной улице. Фантастические подземные стоянки, целый город. Остров прошивают насквозь два туннеля и третий под дном пролива на материк. Это не считая мостов.

Поселился я в мансарде с видом на пролив за крышами домов и горы за ним. В вытянутой в длину комнате слева от входной двери миникухня и рядом санузел, справа – спальный отсек, посередине рабочий стол, журнальный столик, диван, кресла, шкаф, стеллаж. Электрические батареи, температуру сам устанавливаешь, какую хочешь.

Затем отправились в Авроральную обсерваторию (она при университете), расположенную на самой вершине острова над центром, а с противоположной (северо-западной) стороны – аэропорт. Поселили Олега в квартире напротив офиса Криса, в старом деревянном двухэтажном здании с живописным видом из окна. В квартире большая кухня с телевизором и три комнаты, одну из которых занял Олег. Перетащили к нему компьютер (PC Pentium 133 MHz, 31 MB), установили на нём Windows-95 и нашу модель, обнаружили нехватку файлов, телефонировали в ПГИ, разыскали Сашулю, она нам по e-мэйлу переслала, что нужно, только кири-

лика вся искорёжилась в невесть что, но с этим Олег управился. Без обеда работали, запускали модель, потом кофейку-чайку попили, и я пешком ушёл вниз к себе, погулял и спать завалился.

У антенн ЕИСКАТовских радаров. 12 февраля 1997 г.

На следующий день утром пешком вверх за 20 минут до обсерватории по дороге с чудесными видами окрестностей. Сразу поехали на ЕИСКАТ (просто посмотреть знаменитые радары) всё на той же «Тойоте», только за рулём был не Крис, а его молодой напарник по научной работе. Радары находятся в долине одного из фьордов, километрах в тридцати пяти к юго-западу от Тромсё. Антенны и передатчики, конечно, впечатляют. И сугробы ещё выше, чем в Тромсё.

Знакомых встретил – Ван Айкена (англичанин), Ритвелда (новозеландец), Коллиса (швед), сидят там, работают. В машине с Крисом обсуждали планы совместных работ. Вернулись в обсерваторию в середине дня, провели первые расчёты (начальные условия, оказалось, не те взяли, пришлось от нуля стартовать), потом японца Сатаноре Нозаву (молодой парнишка из университета Нагойи) с первого этажа к себе наверх затащили, свои картинки показывали, с ним, похоже, Олегу придётся кооперироваться, когда Брекке (директор обсерватории) из Японии вернётся. Потом я ушёл, купил маргарин (400 граммов за 11 крон, самый дешёвый и очень вкусный в качестве бутербродного масла) и пожарил на нём брикетки филе, обнаружившиеся в морозилке моего холодильника, похоже, палтуса.

Утром следующего дня (**13 февраля**) бегал 50 минут по низу на север. Потом план-задание составлял для Олега, фотографировал по дороге на работу и с неё. Согласовали окончательно план работы с Крисом. Олег уже первый пункт выполнил: внедрил эмпирическую модель атмосферы MSISE90, программа которой оказалась в наличии у Криса, в нашу модель для использования в качестве начальных и граничных условий. Олег дал мне 50 крон на плёнку и я купил упаковку из трёх штук «Кодак 400» за 99 крон, что даже дешевле мурманских цен.

Утром **14 февраля** бегал час там же и сразу после бега, не завтракав, пошёл фотографировать улицы и с моста при

предвосходном освещении, когда иллюминация ещё не выключена, но небо уже светлое. После завтрака почитал статьи и опять фотографировал уже при ярком солнечном освещении. Потом короткая дискуссия с Крисом, куча статей от него, и потом до позднего вечера (то есть до девяти часов, даже в дежурный магазин рядом с моим домом за хлебом опоздал) с Олегом манипулировали коэффициентом турбулентной диффузии в расчётах.

15 февраля. Утром бегал, потом слонялся до открытия магазинов (суббота!), чтобы купить хлеба и яиц (из Мурманска я привёз с собой только банку ветчины, колбасу и шпроты). Купил мешок булочек (штук 30) за 20 крон и десяток яиц за 21.50. Днём народ заполнил центр, норвежата очень симпатичные, а мы с Олегом любовались своими картинками на компьютере. Дома занимаюсь английским (статьи и «43 урока по идиомам»). Хорошо, что нет телевизора, не отвлекает. Никаких тебе дум и компроматов.

16 февраля. Утром бегал, потом гулял через мост к церкви, фотографировал. Потом к Олегу, нашли ошибки в ночных расчётах, поставили на счёт, пошли гулять-фотографировать через лыжные трассы, вернулись, нашли новые ошибки, поставили снова на счёт, понаблюдали, как он идёт и я ушёл. Цезаря Ла Хоза (перуанца, который редактировал одну из наших статей) встретил у крыльца, не удалось с ним по испански поговорить.

Церковь на материковой части Тромсе. 16 февраля 1997 г.

17 февраля – мой последний день здесь в этот приезд. С утра порадовали Криса результатами: согласие наших расчётов с его измерениями (скорости диссипации турбулентной энергии в мезосфере) просто удивительное. Считаю, одна статья есть. Я ему две бутылки водки (ему и Брекке) подарил – «Жириновского» и «Довгань хлебную», он с удовольствием их принял и свозил нас и Трулса Хансона на ланч в отель около аэропорта, а затем меня проводили, и я улетел, а Олег остался до 10-го марта. Денег он тут заработает за месяц больше, чем в ПГИ за год, а жратвы у него из Мурманска достаточно завезено.

Заканчиваю это письмо в ПГИ, в субботу **22 февраля**.

Опять в цейтноте: на следующей неделе традиционный

всероссийский съезд на Апатитский семинар «Физика авроральных явлений», у нас там два доклада, а картинки ещё не готовы. Пошли лекции у меня (читаю физику нефтегазовикам и геологам), занятия с лицеистами продолжаю вести за себя и Олега. А тут ещё нас с Терещенко Учёный совет ПГИ в член-корры РАН выдвинул. У него есть шанс пройти по дополнительной квоте для молодых (моложе пятидесяти), у меня шансов практически нет (их надо за кулисами обеспечивать), но засветиться в Академии не помешает, а нужно кучу документов оформить. Чем сейчас и буду заниматься вместо того, чтобы на лыжах кататься. День сегодня тихий, ясный, но мороз -19 градусов с утра. В Норвегии, кстати, теплее было: от -3 до -10.

Иринкино письмо получили, но читали с большим напрягом: почерк без уважения к читателю. Писем ваших ждём с нетерпением. Привет Бирюковым.

Целуем, папа, мама

627. Март. Заказ недель на Тенерифе

М а р т 1 9 9 7 г.

Моё письмо Мите от 26 марта 1997 г.

Здравствуй, дорогой сынуля!

Ужас, сколько времени я не писал! А мама оправдывается, что у нас я – писатель. У меня же очередная затяжная запарка. На этот раз проект для INTAS лепил. Знаешь про такую International Association for the promotion of cooperation with the scientists from the New Independent States of the former Soviet Union?

Проект явился плодом нашего норвежского сотрудничества (помимо статьи, которую мы накатали вместе с Олегом, Холлом и Брекке). Его название: «Polar mesosphere and lower thermosphere dynamics: observations and modelling (model development from an expanding measurement database)». В нём предполагается участие трёх российских команд (ПГИ, Мурманский университет и Калининградская обсерватория), двух норвежских, английской и канадской. Но поскольку западным участникам полагается всего 20% гранта, то у них особого стимула напрягаться нет и всё пришлось делать практически мне одному.

Не уверен даже, что они (партнёры) успеют всё вовремя (deadline 2 April) в Брюссель доставить со всеми подписями, поскольку официальный координатор проекта (Брекке, нор-

вежец) в Японии сидит. С японцами, кстати, тоже, похоже, придётся сотрудничать. Калининградцам я предложил, чтобы у них Иван был главным, поскольку именно его деятельность в первую очередь важна для проекта. Согласились. Хотя Кореньков, возможно, в глубине души и обиделся. Привык, что он – начальник.

А в Апатиты на традиционный семинар «Физика авроральных явлений» Шагимуратов сподобился приехать, единственный из калининградцев, с докладом. Не бросает науку, молодец. Терещенко дорогу оплатил (рассчитывали на поддержку семинара от РФФИ, но в этот раз не дали).

С член-корровскими бумажками я тоже провозился ужасно много времени. Оказывается, меня единогласно выдвинули тайным голосованием на Учёном Совете (меня там не было), что меня приятно удивило. Про Терещенко не знаю, не видел его выписку из протокола. Университетский Ученый Совет также поддержал мою кандидатуру, что впрочем шансов не увеличивает. Смешно, конечно, столько сил тратить на безнадёжные затеи (ИНТАС тоже маловероятен), но приходится.

Испанский язык, естественно, заморозился. На лыжах и то пропускаю положенное катание. Хотя погода сейчас само то! Ослепительное солнце, безветренно, по утрам мороз (до минус 18), днём минус 3—5 градусов. Пару раз с мамой, однако, покатались всё же, да раза два я один бегал. Мало. А снегу в марте навалило небывалое количество.

Ещё я развлекаюсь борьбой за свои полярные надбавки в университете. Чтобы их получать, я должен был из ПГИ уволиться на время своих отпусков, а теперь Терещенко не хочет этого делать задним числом и футболил меня к ректору, тот – обратно, так и циркулирую.

Фотографии отпечатал тромсёвские. Кое-что увеличил до 15 на 21 и развесил у себе в кабинете на кафедре перед своим столом. Любуюсь. Надо будет кое-что из прежних снимков увеличить.

С лицеистами вожусь. Один (Сюрин Антон, наш с Олегом питомец) в Обнинск поехал на Всероссийскую конференцию юных учёных.

Рад удачному старту «Балтики». Был на «Локомотиве»? Я там видел по телевизору калининградских фанов. Жду отчётов.

На ваучер твой я заказал Канары (Тенерифе) с 3 октября и в RCI приветственную неделю с 10 октября. По ваучеру ответ будет только в конце апреля (рано ещё, говорят), тогда уточню и приветственную неделю. Деньги за неё уже отправил. Писем твоих ждём с нетерпением.

Крепко целуем. Папа, мама.

27 марта. Мише – 12 лет!

30 марта. Забыл раньше записать о жутком событии, происшедшем где-то в начале марта: Пивоварова избили в своём кабинете (в бывшем Институте, а теперь факультете ме-

неджмента, экономики и права МГТУ), он, говорят, даже не успел разглядеть кто. В больницу попал с сотрясением мозга. За что и других подробностей не знаю.

31 марта. Не успели с ИНТАС, и из РФФИ отлуп пришёл. Обидно.

С ИНТАС, конечно, поздно спохватились. А тут ещё пасхальные каникулы в Европе всё остановили. Может, к следующему сезону поспеем.

А на РФФИ я надеялся, поскольку Фельдштейн обнадёжил ещё в Москве на семинаре памяти Шабанского в МГУ: он, мол, рецензентом был и отзыв хороший написал. В этом году ПГИ всего три гранта от РФФИ получил супротив пятнадцати в прошлом.

628. Апрель. Ельцин с Лукашенко союз создали непонятный. Катание на лыжах с загоранием. Гострем умер

А п р е л ь 1 9 9 7 г.

2 апреля. Ельцин с Лукашенко Союз создали непонятный.

17 апреля. Провожали Марию Степановну Сухоиваненко на кафедре. Опять я «Узником» народ озадачил, одна Татьяна с Боголюбовской кафедры правильно автора назвала.

18 апреля. От Ивана по телефону узнал, что **Гострем умер** в доме престарелых, в мае ему 83 должно было исполниться. Про Этель и детей его никто ничего не знает.

21 апреля. Читаю с ужасом шедевр Никонова и Путинцева (дополнительные главы по молекулярной физике для школьников). Вот халтурщики-то! Доцент с профессором! А реакция у них на мою критику такая: – Спасибо, Александр Андреевич! Как скажете, так и сделаем, все замечания учтём!

Мне же легче за них учебник написать, чем все замечания сделать. Штук сто сделал, однако.

26 апреля. Ноль – плюс 4 градуса, ясно, ветер северо-западный, умеренный. Великолепно катался коньковым ходом по насту Большого Питьевого озера.

27 апреля. ПАСХА. Минус 3 – плюс 5, ясно, ветер юго-западный, умеренный. Катались с Сашулей по третьему маршруту, я – коньковым ходом.

29 апреля. 50 лет Терещенке (Е.Д.) в ПГИ справляли. Были в основном апатитяне (Иванов, Леонтьев, Щур, Сахаров, Белоглазов, Яхнин) и местная обслуга. Мы с Сашулей были приглашены на банкет для избранных, где я поднабрался, общаясь в основном с Леонтьевым и Щуром, за что Сашуля на меня справедливо рассердилась.

629. Май. Лебле в Мурманске. Ельцин с Мосхадовым мирный договор подписали. «Солдаты худеют, понимаешь, а генералы жиреют». «Пока ругаешь жизнь, она проходит»

М а й 1 9 9 7 г.

1 мая. Ноль – плюс 10 градусов. Катались с Сашулей по первому маршруту, я – коньковым ходом. У меня скольжение отличное.

2 мая. Плюс 9 – плюс 3 градуса. Прошёлся в раскоряку по первому маршруту по очень рыхлому снегу. И это было закрытие сезона.

5 мая. Серёжа Лебле прилетел из Архангельска. Без предварительного уведомления, хотя я его и ждал где-то в эти дни, но точного срока он так мне и не сообщил. А я должен был ему лекции спланировать, оплату организовать заранее. Он же первым делом у меня лимон занял на обратную дорогу: все деньги, мол, в Архангельске оставил (мать плоха). Пришлось мне попрыгать вокруг университетской бухгалтерии, чтобы успеть всё оформить за те два дня, что Серёжа тут собирался пробыть.

6 мая. Лекция профессора Гданьского технического уни-

верситета С. Б. Лебле «Солитоны и хаос» на кафедре физики.

7 мая. С Серёжей у ректора и прощальные разговоры в ПГИ (после второй лекции) и дома.

8 мая. Садохов в отставку подал от меня. Не считает, мол, возможным для себя исполнять далее обязанности моего заместителя по учебной работе. Обиделся, что я его тезисы к публикации не принял. И вообще потакаю бессовестным Краеву и Вихореву, с которыми он тщетно борется. Блин.

12 мая. Ельцин с Мосхадовым мирный договор подписали несмотря на похищения журналистов. Хватило у Ельцина мужества признать своё поражение и напрасность пролитых кровей. Извиняться, правда, не стал, но встреча его с Мосхадовым в Москве – почти извинение. И на том спасибо.

17 мая. Студент из Томска по ТВ так определил современную власть российскую: «военно-православно-криминальная...»

19 мая. У ректора получил положительные резолюции на свои рапорты по поводу поездки в Англию на ЕИСКАТовский воркшоп и по компьютерному обеспечению кафедры.

Моё письмо Мите от 19 мая 1997 г.

Здравствуй, дорогой сынуля!

Прости, прости, что не пишем – замотались. Твоё письмо от **4—5 мая** к нам на почту пришло **12-го**, а мы его из ящика извлекли только в субботу **17-го**. Сразу не сел ответ пи-

сать – думаю: подожду, как «Балтика» со «Спартаком» сыграет, посмотрю отчёты во всех обзорах, тогда уж напишу. В воскресенье вечером решил: напишу уж после того, как к ректору схожу насчёт командировки в Англию, на очередной ЕИСКАТовский воркшоп. Вот ходил сегодня, попросил командировать и тот согласился, клюнул на солидный том «Annales Geophysicae» с нашими статьями, представленными на предыдущем сборище со ссылкой на МГТУ, так что начинаю готовиться: запросил формальное приглашение для визы. Воркшоп состоится **23—27 июня** в Лестерском университете. Я туда два доклада заявил, их приняли, в программу включили, но поддержки не обещали. Вот, ректор выручает.

Я же ведь теперь у него на полную ставку работаю, а в ПГИ по совместительству. Терещенке я обещал, что осенью (в конце октября) вернусь на постоянную работу в ПГИ. Но в университете я чувствую себя комфортнее, получаю больше, и если бы не нагрузка преподавательская ненормальная, то и не раздумывал бы, где работать на постоянной основе. У ректора, например, я сегодня не только поездку в Англию выклянчивал, но и компьютерное всякое добро. Так он и тут мне не отказал: наложил положительную резолюцию на мой рапорт. Конечно, эту резолюцию в железо чтобы превратить, придётся ещё посуетиться, но тем не менее новый Пентиум-200, принтер и сканер обещаны вкупе с умоощнением двух старых компьютеров.

А ещё ректор оплатил Серёже Лебле, напросившемуся, чтобы я его пригласил лекции почитать, дорогу, суточные и почасовые. Серёже-то на самом деле надо было в Архангельск смотаться, у него там мама плоха, вот он и затеял мне заботы с выколачиванием денег для него, предварительно заняв их у меня. В своём репертуаре, в общем. Причём мне пришлось по настоянию бухгалтерии писать объяснительный рапорт на имя ректора, почему мой профессор приглашённый через Архангельск в Мурманск из Гданьска летел (там, действительно, были отмены прямых рейсов), а Серёжа благодушно ляпнул в разговоре с ректором, что он, видите ли, очень любит северян, поскольку сам родом из Архангельска. Лекций он прочитал всего две, но достаточно артистично, так что народу (преподавателям нашей кафедры и кафедр высшей математики и технической механики, а также сотрудникам моей пэгэёвской группы), похоже, понравилось, хотя поняли его всего человека два-три.

Серёжа меня испанскому обучал (кастильскому, то есть настоящему), удивлял произношением слов «уо» и «Пата»: у него звучит как «дье» и «дьяма»...

И теперь мы с ним е-мэйлами на испанском общаемся. Впрочем, у меня большие подозрения, что он его изрядно подзабыл. А в нашей переписке по-английски было такое (мама тебе писала, кажется, об этом). Он меня просил перенести сроки визита с апреля на начало мая, я ему ответил: «Well, but skiing is better in April».

А он мне:

«Do грибов li?!» (Знаешь, конечно, откуда это – из анекдота: Петька – Чапаеву: «Василий Иванович! Белые в лесу!») Чапаев отвечает: «До грибов ли, Петька?!»).

С подачи Серёжи будем открывать в МГТУ совместно с кафедрой высшей математики специализацию «физическая информатика» (или «компьютерные технологии в физике»), чтобы было, куда моих лицеистов пристраивать.

По секрету Серёжа мне сообщил, что он собирается на постоянную работу в Гданьск переходить, вроде его берут, и квартиру там покупает. Что я и приветствовал. Рыба ищет, где глубже. Вообще же приятно было с ним повидаться, хотя он меня и обозвал садистом, а я его разгильдяем.

На твой ваучер нам заказали пятиместные апартаменты (Милочка с Павлом собираются с нами) в Беверли Хиллс Клуб в Лос-Кристианосе (на самом юге острова) с 3 по 10 октября, а следующая неделя (приветственная от RCI) – в Кальяо Гарден, это километрах в 15 западнее, так что готовься теоретически по Тенерифе, чего там и как. Интересно, в «Апокалипсисе» (про вьетнамскую войну) командный пункт (или командирскую землянку, или что-то в этом роде) называли в шутку почему-то «Беверли Хиллс» – откуда это, не знаешь?

Ну, а про футбол ты всё знаешь лучше моего. Может, и на «Торпедо» – «Балтика» был? Похоже, там «Балтика» не выглядела хуже соперника, и вообще выступает вполне

адекватно составу, а где-то и не везёт (как Кантоне, например, в полуфинале). А Дзолла каков? Надо бы его в «Балтику» переманить. Или Роландо лучше? Но Шанталосов-то даёт! Зря его обижали.

Снег у нас ещё не весь растаял, и температура выше десяти редко поднимается. Боголюбов ещё и в День Победы на лыжах катался, а мы закрывали сезон 1-го (мама) и 2-го (я) мая, причём 1-го мая было очень неплохо при плюс десяти градусах.

Мои планы на лето (после Англии, если удастся туда поехать): поменять зубы (совсем меня замучили) на протезы и съездить в Калининград по поводу памятника для деда. На это, глядишь, весь июль и уйдёт, а там грибы надо будет запасать. Мама поедет в Калининград через Москву где-нибудь в начале июля, начнёте с ней поездку на Канары оформлять.

Твоим усердием научным довольны. Ты прав абсолютно: не идёт эксперимент – грызи теорию, читай литературу.

А у меня кроме работы одно развлечение сейчас – фотографии цветные увеличиваю, которые получше. Хорошо смотрятся. Ну, и испанским занимаюсь всё же по выходным, три урока осталось последних. Жажду твою кассету послушать.

На этом кончаю. Крепко тебя целуем, скучаем.

Папа, мама

P.S. В списке кандидатов в член-корры (очень большом),

опубликованном в «Поиске», много знакомых имён, штук пять известных геофизиков (Иванов-Холодный, Трахтенгерц, Ерухимов, Ораевский и я), но, главное, мой одноклассник Валерка Долгополов там же...

21 мая. Садохова и Никонова к званию доцента представляли на кафедре. Вихорев и Краев против Садохова голосовали.

22 мая. Ельцин Родионова с поста министра обороны отставил за то, что «солдаты худеют, понимаешь, а генералы жиреют».

23 мая. Хвиюзова рассказывала: в Брайтоне можно услышать в магазине: – Вам послать или целым писом?

25 мая. Плюс 6 – 11 градусов. Загорал на столе у окна. «Пока ругаешь жизнь, она проходит».

29 мая. У первой группы геологов экзамен принимал. Паша Соколов ошаршил испанской тирадой.

630. Июнь. Рассказ тёти Тамары. В Лестере, Стрэтфорде и Лондоне

И ю н ь 1 9 9 7 г.

6 июня 1997 г. Вторую группу геологов отмучил. Одна пятёрка, одна четвёрка, одна тройка, четыре пары, двоих не допустил, две неявки и один отказ от тройки.

12 июня. 33 года нашей совместной жизни с Сашулей. Хвиюзова у нас в гостях с рассказами о поездке в США.

Мои записки в поездке Петербург-Москва-Лестер-Лондон-Москва

14 июня 1997 г., суббота. 8 градусов тепла, пасмурно. Из Мурманска я с трудом уехал в аэропорт. Пришли с Сашулей к вокзалу утром – автобусов нет, народу на остановке 106-го полно: перед Троицей на кладбище едут. Маршрутное такси, к счастью, подкатило. Я в него уселся, полная машина набилась, да тут инспекция (две бабы) к водителю прицепилась. Долго его документы изучали. Не понравились они им: – Оставьте наших пассажиров!

Можно подумать, у них тут куча автобусов простаивает, а водитель маршрутки пассажиров перехватывает. Пассажиры зашумели и велели водителю ехать, что он и сделал к моему облегчению.

В Питер прилетел в полпервого дня. Жарища 27 градусов.

В 15.40 был уже в Сестрорецке. С порога – на кухню, помогать тётке Тамаре крошить продукты к праздничному столу. Без четверти пять гости собрались отмечать 45-летие свадьбы дяди Вовы и тёти Тамары: Володя и Галинка Куренные (фотокамеру подарили), тётя Валя (сестра тёти Тамары) и Люба – племянница, дяди Вити покойного дочка. Мать её – тётя Жанна не пришла, сославшись на больные ноги.

Огромное вытянутое блюдо с маринованной корюшкой (крупной, с икрой) опустошили с ходу минут за десять, а потом пировали остальным: салаты, студень, заливной судак, мясо. Я привёз шампанское, водку, сёмгу, икру тресковую в тубиках и коробку конфет «Золотая нива». Были заказанный торт, пирожные, ещё конфеты.

В этот день «Балтика» в Москве с ЦСКА вничью сыграла – 1:1.

15 июня, воскресенье. С утра побегал чудесно 1 час 20 мин в Дубках в новых кроссовках индонезийских, купленных на барахоловке перед отъездом за 80 тысяч рублей. Сашуле они не понравились, а мне оказались само то – лёгкие, по ноге, амортизируют хорошо.

Потом длинный завтрак, переходящий в обед остатками вчерашнего пиршества. Неописуемый рассказ тёти Тамары о похоронах, а до того – заказном убийстве кота, а до того – о попытках его лечить. Вот этот рассказ.

Бедный кот от аллергии отгрыз себе хвост, но не совсем. Понесли его к ветеринару (тётя Тамара и тётя Валя, а кот

Жанкин), заплатили 20 тысяч за перевязку, а за операцию надо 50, а где их взять?

Решили – так заживёт. Стали, дома потом, сами перевязку делать втроём: двое за лапы кота держат, третья за хвост и перевязывает. Кот орёт, не даётся, вырывается. Кое-как перевязали, а он повязку тут же содрал, опять хвост грызёт. Ну, что делать? Усыплять его надо, чтобы не мучился. А это 50 тысяч платить. А где их взять?

Ладно, говорю, найдём мужика, чтобы за бутылку убил кота. Нашли соседа, хороший мужик, больной, не зарабатывает, за бутылку всё, что хочешь, сделает. А чем убивать-то? У Жанки ведь в доме ни черта нет, ни молотка, ни топора. Пожрать-то и то нет. Жанка – жадная. Сама пожрать любит, а в доме нет ничего.

Пошли во двор. В мешок кота завернули. Мужик утопить предложил его в озере, да мы не согласились: они живучие, долго мучиться будет. А самим жрать уже охота, а у Жанки нет ни фига. В общем, убил кота мужик кирпичом с двух раз. Хоронить надо. А у Жанки нет ведь ни фига, ни лопаты никакой, чем могилку-то рыть? Нашли какую-то деревянную лопатку, стали ею рыть, так у неё ручка сразу же отломалась. Кое-как, в общем, закопали. Пошли помянуть его, по пол-рюмочке выпили, а закуски никакой – у Жанки ни черта в доме нет. Всё.

Я рассчитывал позагорать в Сестрорецке, но хотя было тепло – солнышко спряталось, и прогноз был: циклоны с по-

холоданием и дождями.

16 июня, понедельник. С утра отправился в Консульство Британии у Смольного. Занял очередь на улице за полчаса до открытия десятым примерно. Через 2 часа у меня приняли документы и велели прибыть за паспортом в 16.30 сего же дня. А я волновался! Очень чётко у англичан всё налажено. Из консульства пошёл по банкам бродить – от «Невского паласа» до Галерной у «Медного всадника». Выяснял возможности отправить в Англию деньги за коммунальное обслуживание нашей дачи в Клубе Сан-Антонио. Через «Вестерн Юнион» проще всего, но надо указывать имя и фамилию получателя, а у меня только адрес фирмы. Потом вернулся в консульство, получил паспорт с визой и – в Сестрорецк. Сашуля звонила негодующе – факса из Англии нет! (Обещали факсом банковские реквизиты выслать.)

17 июня, вторник. Жуткая холодина, ветрюга, дождь. Поехал в ААНИИ командировку отмечать. Там никого нет, все в отпусках уже, но наткнулся нечаянно на Наталью Благовещенскую. Она тоже в Лестер летит, а у неё дочь Настасья (25 лет, биохимик, через полтора года аспирантуры диссертацию защитила) сейчас в Лондоне по гранту обретается. Я, конечно, вцепился со своими почтово-финансовыми проблемами и выпросил Настасьин телефон: может, она сейчас за меня заплатит (до дедлайна), а я Наталье деньги хоть тут, хоть там отдам.

Из ААНИИ я отправился в железнодорожные кассы у Ка-

занского собора за билетами на поезд на Москву на сегодня же вечером, оттуда под Арку на Дворцовой площади по телефону звонить – Мите и Настасье в Англию. Настасьи на службе нет – дома работает. А телефон только рабочий. Тогда позвонил в Care International и сообщил, что я факса не получил, сам уже в Петербурге, завтра буду в Москве, а платить хочу из Англии, если они штрафа не наложат. Обещали не налагать. Приехал в Сестрорецк – Сашуля звонила, факс пришёл.

Дал Бургвицам 400 тысяч – на хозяйство дачное. Тётя Тамара слезу пролила: чего это дядя Вова так на неё смотрит, как будто она эти деньги выпросила. Хотя элемент выпрашивания, конечно, был. Ельцина ненавидят всюю, как и Чубайса, и Гайдара. Жалуются на нищету, но живут не голодно. Вечером уехал в Москву.

18 июня, среда. Из-за аварии товарняка накануне поезд опоздал на 2 часа. Митя меня встречал. Закинули шмотки в комнату, позавтракали (ж/д пакетом) и пошли в УМО. По дороге выяснилось, что в Эдинбург Митя уже не целится, а хочет попасть на Школу в сентябре в Италии. Ездили с ним в центр отпрашивать его заявку на эту Школу через Международную Почту. Вернулись в ГЗ, пообедали (по 14—15 тысяч обед). Митя поскакал в лабораторию, а я в универмаг «Москва» за постельным бельём и подушкой, но до того на ВМК выяснил про специализацию «Математическое моделирование» и отметил командировку.

Вечером балдел от Митиной «Сони» – и от музыки, и от испанского, вот чем бы надо здесь заниматься, а не носиться по столице! Слава Богу, не жарко хоть – и сюда циклон дошёл.

«Балтика» – «Зенит» – 2:2. На последней минуте зенитовцы в свои ворота гол забили.

19 июня, четверг. Купил в ГЗ 160 фунтов стерлингов, больше не нашлось. Попытался найти их в окрестностях МГУ и на Ленинском проспекте – без результата. Вечером Милочка звонила Мите в лабораторию, просила ей билеты на Канары покупать, а с Павлом так и не ясно до сих пор – поедет или нет.

20 июня, пятница. Утром Митя с Михеичем в футбол играли с преподавателями, а я пытался их сфотографировать. Митя при счёте 4:4 забил на радость мне, да и всей команде обалденный гол – в падении через себя под перекладину. Такие не у всякого футболиста в жизни случаются. Даже соперники аплодировали.

Вообще играет сынуля очень прилично, неожиданно даже для меня. Например, такой вопль был слышен: – На ворота навешивай, там Намгаладзе верховой выиграет!

Это при том, что Митя самый малый на поле. Но в футболке с надписью «Баджио» на спине (что в Испании купили). И в воротах нормально стоял, не пропустил, а один раз даже выручил – спас от гола. В общем, порадовал меня сы-

нуля. Очень даже сильно.

А после футбола я побегал по резиновой дорожке стадиона. Ой, как здорово! Тут я почувствовал, что у Мити здесь по-настоящему счастливая жизнь. Работой увлечён, футбол, друзья, всё есть, ко всему приспособлен. Слава тебе, господин!

Днём Митя трудился в лаборатории, а я ездил в RCI. Спрашивал у трёх милиционеров, где тут Космодамианская набережная – не знают. У рыбака спросил – в канаве снасти полощет – тоже не знает. А ею оказалась противоположная набережная этой канавы, о чём и написано крупными буквами на стене дома на той стороне. Дом же этот – шедевр современного зодчества – «Риверсайд Тауэрс». Там RCI и находится. Оказалось, моей заявки в компьютере нет. И сдачи недели в банк тоже нет. Права качать я не стал, перезаказал на новое место. Потом опять фунты искал без успеха. И еле успел, не заходя домой, встретиться с Митей в условленном месте у «Балатона», чтобы ехать к семи в гости к Бирюковым. Купили тётке Майе цветы и шампанское, дяде Гене баночку красной икры и заплатили 20 тысяч штрафа за безбилетный проезд в автобусе.

У Бирюковых хорошо поели, и Митя сбежал полдевятого к себе в лабораторию, а я ещё сестёр своих заставил со мной по телефону поговорить за их счёт. Ночевать оставаться я не захотел (чтобы побегать утром по стадиону), да Майечка и не предлагала. Уехал около полуночи и долго блуждал во-

круг ГЗ в поисках входа в корпус «В». Митя не предупредил, что переходы между корпусами все на ночь закрывают. Из двоих парней, у которых я расспрашивал дорогу, один был крепко пьян и весьма агрессивен, чем-то я ему не понравился, но второй его удержал. А у меня в сумке куча денег была для закупки фунтов. Мите я потом выговорил за «московское гостеприимство» – бросил меня выпившего с деньгами на ночь глядя. С Митей же мы не пили ни разу до Бирюковых.

У них, к слову, Андрей пьёт по-чёрному. Ребёнка своего пьяный уронил, месяц в больнице потом пролежало дитя с матерью. Из машины у него украли сумку со всеми документами, ключами и кучей денег, на таможне заработанных. Как раз он позвонил при нас, что документы ему подбросили, так Гена как ребёнок радовался. Это у него не первый случай уже, говорит. Боится, что с работы выгонят.

21 июня, суббота. С утра 11 кругов пробежал по стадиону, пока Митя спал. После завтрака Митя в Ленинку отправился, а я загорать на стадион, где и пишу эти строки.

22 июня, воскресенье. Шереметьево-2, уже за кордоном.

Встали с Митей в 5.40 и около 8.30 были в Шереметьево-2, за два часа добрались от общаги.

В Шереметьево у девочки шарик улетел. Девочка плачет, шарик улетел, её утешают, а шарик висит, упёршись в потолок, невысокий в этом месте, и верёвочка от него свиса-

ет с колечком. Чем бы достать? Я решил попробовать зонтиком. Митя воспротивился моей попытке – не смейся, мол, публику. Но я зонтик достал, раскрыл его и попытался зацепить краем спицы зонта за петельку. Просто стоя, я не доставал сантиметров десять. Начал подпрыгивать с зонтом, но попасть спицей в петельку с прыжка можно было, наверное, только в одном случае из ста, долго бы пришлось прыгать. Надо высокого найти. Ну и нашёл одного мужика, моего возраста, а ростом заметно повыше. Тот без проблем зацепил моим зонтом шарик за петельку, а я вручил шарик девочке. Доставил радость. Родители благодарили за изобретательность. Армяне, похоже. А я Мите говорю:

– Вот чего же ты не хотел девочке помочь? Нехорошо. Теперь же будет что в мемуар записать.

Что и делаю сейчас, расслабившись в кресле перед посадкой в самолёт (А310).

Над Лондоном летели очень низко, хорошо было видно Темзу, парламент. Садись чуть ли не в грозу, и до конца дня солнышко показывалось между ливнями. Первый контакт с симпатичным «бобби»: – Где тут коучи на Лестер?

Тот показал и объяснил подробно, как идти.

А до того искал и нашёл офис Аэрофлота, отметил обратный билет и поменял кроны и марки на фунты (менее выгодно, чем в Диалог-банке предлагали). Взял билет до Лестера и посидел в кафе с пакетиком сока апельсинового за 50 центов 100 граммов и со своими крекерами. В кафе объявление:

«Птиц не кормить!» Воробьи местные садятся прямо на столы и готовы из рук кормиться.

В кассе автостанции мне сказали, что автобус (коуч) на Лестер (и далее) отправляется в 15.30, на стоянке было указано время отправления 15.45, а отправился он в 16.10 и прибыл в Лестер где-то около 18.40 вместо 18.15 по расписанию. Из-за плохой погоды якобы. И в самом деле, движение по шоссе было хоть и многорядным, но не быстрым в сплошной колонне машин.

Первые географические впечатления: пейзажи как в Калининградской области, только дороги раз в 10 шире и каштанами не обсажены, и движение левостороннее. Массивы краснокирпичных домиков с микроскопическими двориками.

В Лестере из автобуса вылез – закачал. Доехал до Стэмфорд Холла (университетский Центр конференций в Оадби, где заседают и тут же живут, – это километрах в четырёх от самого университета, который находится практически в центре самого Лестера) за 5 фунтов 50 центов на такси, из них 20 центов на чай оставил. А автобус местный за 80 центов довозит, как сказал мне сосед по общежитию (пятикомнатный блок с общей кухней и сортиром) – Андрей Литвин из Гренобля, стажёр с кафедры физики атмосферы СПГУ, после четырёх курсов, бакалавр.

Стэн Каули – профессор, главный редактор «Анналс Геофизика», шеф группы Радио и Космической Плазмы местно-

го университета – тепло встречал всех прибывающих и провожал каждого до его комнаты. Рассчитался с ним за все брони – 322 фунта. На кухне – какао, чай, кофе, сахар, молоко в холодильнике, чем и запивал свои сухарики, крекеры, пряники и булочку с самолёта.

23 июня, понедельник. С утра побегал восхитительно по туманному Альбиону в жуткой сырости, но с южными ароматами зелени. После завтрака пошлёпал в собственно Лестер, точнее в его центр. И в первом же банке (через сорок минут ходьбы – Ллойдс Бэнк, Ландон Роуд, Оадби) отправил за бесплатно деньги за «дачу». Захотел сфотографировать банк, перекрёсток и вид вниз к центру Лестера – оказалось, камера не работает. Решил, что дело в батарееке и поспекал дальше до ближайшего фотомагазина. Там выяснилось, что батареека в порядке, а вот работает только одна программа из множества видов съёмки. Похоже, что камера отсырела, вчера я её на боку таскал полдня в местной сырости. Обидно.

В обед Матиаса встретил, а когда постер развешивал – Дэйв Айденден подошёл. После заседания с обоими одновременно общался у себя в номере, а после ужина с Натальей гулял по пустынному Оадби. В тупиковый центр забрели. А после открытия первого заседания такой ливень обрушился на зал заседаний – крыша грохотала и заглушала речь первого докладчика (Алкади). Народ с юмором к этому отнёсся. Кормят хорошо, вечером за отдельную плату вино подают. На халяву попробовал мускателя французского, очень

НЕПЛОХОГО.

Дом Шекспира в Стратфорде. 26 июня 1997 г.

24 июня, вторник. В первый утренний перерыв бегал в Лестер – искать книжный магазин университетский. Нашёл быстро – случайно прямо на него вышел. Долго рылся в Клеточной Биологии, но понял, что всё это – учебники, и ничего не купил. Еле успел к концу обеда. Вечером очаровательно погуляли с Матиасом и Клаудией (его женой) по центру Лестера (пешеходная уже более 200 лет улица и прочие древности) и посидели в «Жирном Коте» (ели лосося с картофелем и красным вином) и поболтали о том, о сём, включая работу, детей и Ельцина. Я на английском, Матиас на русском, Клаудиа больше на немецком с Матиасом, но понимает она

все языки (я её спросил: – Шпрехен зи дойч? (Говорите по-немецки?) – Она глаза на меня вылупила, а я тут же заявил: – Абер ихь ниht! (А я нет!), но иногда вставлял немецкие словечки), а под конец мы с Матиасом на испанский перешли.

Матиас с женой приехали сюда на своей машине (паромом переправлялись) – красной «Хонде» весьма внушительных габаритов. Матиас хотел меня на ней в общагу отвезти, но я отказался ради пеших трёх с половиной километров (от его отеля) перед сном, которые и преодолел только что.

P.S. А аппарат-то просох и заработал к моей великой радости!

25 июня, среда. Опять густая морось легла, бегал в мокроте. И закачало после бега, видать, давление на погоду реагирует. И аппарат снова отказался работать в такую сырость (кроме режима SNAP).

Моё командировочное удостоверение специально в Лестер возили, чтобы печать поставить. А после ланча экскурсия в замок Warwick и в Стрэтфорд на Эйвоне (родина Шекспира). Замок и окрестности очень живописны (погода, к счастью, существенно улучшилась), но более всего мне композиции в Кинг Мэйкере понравились. А по Стрэтфорду три часа бродил, не заходя никуда – деньги экономил. Много молодёжи в шекспировский театр направлялось.

26 июня, четверг. Ещё промозглее, с ветром, даже не бегал. Мой доклад – первый. Выступил хорошо, вопросы были. Матиас сказал, что так заслушался, что не успел меня сфото-

графировать, хоть и готовился. На постерной сессии активно пообщался с Филом Вильямсом и Фуджии (который возглавлял тут целую бригаду молодых япончиков), последнему кучу оттисков отдал на всю японскую команду. Нюгрэн предлагал по томографии сотрудничать. Андрей Литвин очень подробно про модель расспрашивал.

Вечером (с 18.30) reception в баре (бесплатно вино красное и белое, а за деньги – пиво, которое предпочитала молодёжь) и после – conference dinner (товарищеский ужин). Посидели неплохо с Матиасом и женой его (слева от меня), Стэном Каули, Денисом Алкади и Андреем Литвином (напротив). Интересно, что мороженое давали после жареных крабовых палочек перед мясом. Вино было красное сухое и белый мускатель (чуть полусладкий) и было сервировано по два бокала каждому из расчёта пить и то, и другое. Молодёжь у нас почти целую бутылку белого увела в обмен на пустую, как я в былые времена из-под Мигулина.

27 июня, пятница. Ветрюга не унимается, но первые полдня хоть было сухо, а к вечеру и дождь пошёл. Последнее заседание, в перерыве которого я позвонил, наконец, в Sage International и уведомил о своём платеже. Обучение обращению с телефоном-автоматом стоило мне 40 пенсов, а потом я истратил ровно фунт. После ланча (а перед ним я подарил одну бутылку водки Тюдору Джонесу – декану факультета физики и астрономии, работы которого с Ришбетом я изучал ещё в начале своей модельерской деятельности, вторую –

по окончании ланча Стэну Каули) около часа отвечал на вопросы Дэйва в своей комнате, после чего нас с ним отвезли в Лестер, где он вылез у вокзала, а меня переселили в гостиницу Stoneycroft House, где и пишу эти строки перед телевизором (Уимблдонский турнир начался), сбегав на вокзал и позвонив бесплатно в Лондон по телефону заказов гостиниц, где мне сообщили, что надо карточку кредитную иметь и посоветовали ехать на вокзал Виктория, там, мол, можно и без кредитной карточки заказать. В ходе этой прогулки купил путеводитель по Лондону за 3.75 ф.с.

В 18.45 за мной заехал Тюдор и повёз ужинать «на ферму», куда подъехали Стэн с женой и двумя сыновьями 14 и 12 лет, а потом жена Стэна ещё и за дочкой лет восьми съездила на машине. Славно посидели с пивом. Меня угощали «мясо-почечным пирогом» (Steak and Kidney Pie) – очень вкусно и мало на что похоже: мясо с почками запечено в тесте в глиняной сковородке, как бы слоёный пирог с очень нежно хрустящей оболочкой, мягкой, не жёсткой. Сказали, что типично английское блюдо.

Все взрослые за рулём, но пиво употребляют (Стэн около литра выпил, Тюдор поменьше, жена Стэна – два бокала тёмного «Гиннеса»). Тюдор меня домой, то есть в гостиницу отвёз. По телевизору показывают: Record Rain. Всю Англию залило (а в мае у них засуха была), Уимблдон в грязи по уши почему-то, не понял, откуда грязь.

28 июня, суббота. Проснулся в новой гостинице около

шести утра, глянул в окно: морось. Решил не бегать, а поспать ещё – поберечь силы для прогулок по Лондону. Позавтракал, стал собираться на поезд 10.15 (они каждые 45 минут ходят, накануне был на вокзале, посмотрел расписание. Гляжу, что такое? Кое-какого барахла нет – рубашек, трусов, плавок, оставил в общаге в шкафу, так собирался там второпях!

Что делать? До общаги сорок минут ходу, туда – обратно – полтора часа минимум, их придётся вычесть из прогулок по Лондону. Может, чёрт с ними, с рубашками? А если бегом? Для чего у меня шорты и кроссовки? Авось, уложусь меньше, чем за час! И рванул. Под дождиком. Вместо того, чтобы до завтрака – побежал с полным желудком.

Добежал за 20 минут. Всё закрыто, конечно. В одном окне на первом этаже административного домика свет увидел, женщина молодая сидит, но дверь заперта и звонок выдран. Постучал в окошко, она вышла, объяснился: мол, стоял тут вчера, да забыл барахлишко кой-какое. Ушла куда-то, вернулась с ключами: – Пошли искать. Какое барахлишко-то? (What stuff?) – Да пара рубашек там, трусы и прочее.

Пришли, открыли. Я всё своё выгреб в мешок припасённый, раскланялся (мол, сори, вот такой я профессор – повсюду вещи забываю. И обратно побежал. Душ принял и на вокзал. Уехал поездом 11.45 за 24.40 ф.с. (долго не мог поверить цене, почему-то решил, что должно быть порядка двух фунтов – банкноты спутал отложенные на билеты). Уют-

ный поезд домчал до вокзала Сант-Панкрас за полтора часа. На вокзале в туалет ходил за 20 пенсов. Здание вокзала снаружи понравилось, сфотографировал.

Вокруг походил: отелей – прорва (микроскопических, правда). И обменник рядом. В обменнике поменял сто долларов на 58 фунтов и в первый же отель сунулся. 25 фунтов. Я ожидал 40. Посмотрел комнату – с телевизором. О'кэй. Девушка дежурная полячкой оказалась, два года только как в Лондоне, по-русски говорит. Расплатился, два фунта в залог за ключ оставил и – вперёд!

По путеводителю, конечно, сориентировался и поскакал, грубо говоря, на юг или юго-юго-запад. На юг, скорее. Мимо Университета, Британского музея и Библиотеки, Национальной галереи, Трафальгарской площади (!), откуда повернул слегка назад мимо площади Ватерлоо к Пикадилли (сёркус и улице)!! Где-то между Трафальгарской площадью и Пикадилли (или на Пикадилли-стрит) решился-таки купить Мите Signal Transduction за 25 фунтов. С Пикадилли свернул в Букингэмский парк (точнее, в Грин-парк), через который вышел к Букингэмскому дворцу (!!!), оттуда к Вестминстерскому кафедральному собору (!) и по Викториа-стрит к Вестминстерскому аббатству и парламенту с Биг-Беном (!!!!!). Фотографировал, конечно.

На обратном пути истратил 7 фунтов на альбомы и открытки с видами Лондона и 5 фунтов на красное вино (французский Кларет из Бордо 1995 года), хотя видел до того и по-

дешевле, но боялся, что магазины закроют, а около гостиницы магазинчик был открыт, где можно было купить красное за 3.25. Но вот сейчас пью Claret и балдею – очень мягкое и вкусное вино, не жалко фунтов!

Запомнилось: болельщики у телевизоров во всех пабах с пивом орут (Британские Львы сборную Южной Африки по регби обыграли), наркоманка спит с открытым ртом на Лестер-сквере, народу гуляющего прорва (суббота!), попрошайки на ночь в спальниках устраиваются на крылечках и мелочь просят. У них её побольше, чем у меня купюрами. С живым гвардейцем народ всюду фотографируется около Queen's Garden недалеко от Трафальгарской площади. Погода была отличная: сухо, не жарко, иногда солнышко проглядывало.

29 июня, воскресенье

Проснулся в 6, в 7 пошёл завтракать вниз. Столовая на 12 человек. Француз требовал стакан для сока, а не рюмку (стопку) и гневно возмущался.

В 8 побежал по Gray's Inn Street к собору Св. Павла (! – хотя зажат он весьма), оттуда на набережную Темзы и по ней к Тауэру (!!!) и Тауэр-бридж (!!). Фотографируя, добрался за 2 часа. У Тауэра купил Ирине «Лондон и его окрестности». Обрато мимо Банка Англии промеж небоскрёбов (!) мимо Музея Лондона (!) добежал за 1 час 10 мин. Погода была как и накануне – самое то по городу бегать. И спасибо Индонезии – за кроссовки!

Из гостиницы я должен был убраться в 11.00. Опоздал минут на десять, ещё 20 собирался. До Хитроу на метро добрался минут за 50, заплатив 3.50 ф. с. Очень медленно шла регистрация, так что я еле успел потратить на сувенирный английский чай последние металлические фунты (да ещё не на тот терминал пошёл сначала). Сумку красную не удалось в самолёт протащить, пришлось сдать в багаж. Вылет задержали на час из-за перегруженности Хитроу.

И вот уже над Францией (или Германией уже?) лечу. Бай-бай, туманный Альбион, увидимся ль ещё?

631. Июль. Главный редактор «Вестника МГТУ»

И ю л ь 1 9 9 7 г.

1 июля, вторник. Митя меня встретил в аэропорту, очень обрадовался книжке, тут же на автобусной остановке в полупотьмах стал её изучать. Мы впритирку успели добраться с одной пересадкой на метро до университета. Легли в 2, встали в 8.30. Я побегал, позавтракали, позвонили в «Премьер», «Анталес», «80 дней» насчёт билетов на Канары: – Рано ещё, – говорят. – Цены не определились. Потом я пошёл на физфак командировку отметить – безрезультатно, после чего позагорал часик на стадионе, а Митя бегал на работу.

Затем мы обедали в столовой, а до того пытались перекрыть кран горячей воды, и я ушиб голову. Потом я опять на физфак – удачно. Затем с Митей в «Сделай сам» купили напильник, присматривались к этажеркам на колёсиках. Потом на базар за жратвой, к девяти в лабораторию – с Милочкой и Ириной по телефону поговорили. Потом ужин с пивом, и распростились у метро – Мите вставать рано. А я отправился поездом в Мурманск, куда и прибыл благополучно сегодня (**2 июля**) около полудня.

Накануне, Сашуля говорит, с утра было +24 градуса до обеда, а потом задул северный ветер и дождь пошёл. Се-

годня +12 градусов, нормально.

3 июля. В университете узнаю: меня, оказывается, уже главным редактором несуществующего «Вестника МГТУ» назначили, ректор приказ издал, а его самого сейчас нету. Я к Чечуриной: – Майя Николаевна! Как это так: без меня меня женили? Я ведь с ректором свои условия не обговаривал!

(Чечурина – проректор по экономическому образованию – вела со мной предварительные разговоры насчёт того, чтобы я возглавил общеуниверситетский научный журнал типа «Труды МГТУ», и я в принципе согласился на условиях полноценного обеспечения этой работы помещением, штатами, техникой – компьютеры, сканеры, принтеры, факс, электронная почта – и зарплатой).

Она меня успокоила: – Не волнуйтесь, ректор на все Ваши условия согласен, я с ним разговаривала. Только он очень хотел бы, чтобы к Международной конференции, которая в октябре в МГТУ состоится, вышел бы первый номер журнала. Представительский, так сказать.

– К октябрю это очень мало вероятно. Народ почти весь уже по отпускам разъехался. Кто сейчас статьи готовить будет?

– Я понимаю. Уж как получится. Но Вы постарайтесь.

Ну, ладно. Придётся начать этим делом заниматься – требования к рукописям сформулировать, самому статью образцовую написать. А там посмотрим.

4 июля. Интересно: погода ясная (ветер северный, сла-

бый) а температура воздуха утром всего +6 градусов. К вечеру, правда, до +15 поднялась.

6 июля. А сегодня после обеда уже +24 градуса!

Проводил Сашулю в отпуск, в Москву, там они с Митей должны уладить все вопросы по поводу виз и билетов на Канары, а из Москвы Сашуля в Калининград поедет.

8 июля. Телефон дома поставили! «Народный телефон» – называется. За три лимона с лишним (шестьсот долларов). Обещали в течение года поставить, а поставили через полгода. Сбылась Сашулина мечта!

10 июля. Началась зубодёрная эпопея. Протезист велел весь верх убрать, а у меня там семь с половиной зубов парадантозных осталось (половину одного я сам в прошлом году дома себе выдрал) и два мудрости. Молоденькая, но решительная девица выдрала мне сегодня первые полтора зуба. Без проблем.

13 июля. Температура воздуха утром +6, вечером – +19 градусов. А четыре предыдущих дня – плюс 8—9 градусов.

14 июля. Плюс 12 – плюс 25 градусов. Четыре зуба верхних передних зараз выдрала мне девица. Не очень чтобы приятно.

15 июля. Ещё два зуба выдрал сбоку, а зубья мудрости мне девица не стала драть: – Оставьте, хорошие зубы. Загорал на камнях на ближнем озере (+26 после обеда).

17 июля. Плюс 28 градусов!

18 июля. Плюс 25. Загорал на Семёновском озере.

Роман – прелесть! Я ему велел обзорную статью на английском для «Вестника» лепить из наших опубликованных и неопубликованных трудов, и он мне на это ответил:

– Как говорил Остап Бендер, дело я своё люблю, от работы не бегаю, давайте!

Я ему:

– Не уверен, что так говорил Остап Бендер, но ты мне каждый раз так отвечай! Молодец!

22 июля. Валера Яров (он в приёмной комиссии в этом году) Оке Микаэльсона из Лулео притащил ко мне в ПГИ. Тот на него случайно набрёл в поисках связей с университетом. Здоровый такой швед. Эколог. Сотрудничает с нашим областным комитетом по экологии, по-русски неплохо говорит. Я ему пообещал раздобыть бумажки с информацией о предстоящей осенью конференции северных университетов в МГТУ, кофеем попоил. Приятный парень.

25 июля. Был на приёме у ректора по вопросу моего редакторства. Высказал ему своё удивление, что в моё отсутствие меня главным редактором назначили. На это ректор ответил, что он так понял Майю Николаевну, что я своё согласие уже дал, а он, в свою очередь, на все мои условия согласен. И принялся уговаривать меня оставаться в университете на постоянной работе.

Я посетовал на преподавательскую нагрузку – большая, мол, очень, а я всё же хочу оставаться действующим учёным.

– Да Вы вправе сами себе любую нагрузку установить!

Я пообещал подумать. Посмотрим, как дела пойдут. Пока-то мне здесь нравится больше чем в ПГИ. И если всё обещанное в части оборудования, штатов и зарплаты будет выполнено, то никакого особого смысла возвращаться в ПГИ не будет. Даже если Терещенко откажет мне в совместительстве.

26 июля. Мите 22 года! В Мурманске сирень цветёт. Температура плюс 8—11 градусов.

31 июля. Иностранное тело в рот засунули – верхнюю челюсть из пластмассы. Не сказал бы, что нравится. Но вид у зубов снаружи ничего.

632. Август. Дядя Серёжа Мороз умер. Памятник моим родителям

А в г у с т 1 9 9 7 г.

2 и 3 августа. Загорал на ближней горке у озера. Температура днём до 26 градусов поднималась.

6 августа. От тёти Тамары по телефону (поздравлял её с днём рождения) узнал, что дядя Серёжа Мороз умер от инфаркта, хоронили 25 июля. Ему было 84 года. Он научил меня фотографировать и привил любовь к этому делу. Без высшего образования, он был удивительно интеллигентным человеком.

7 августа. Сашуля прибыла из Калининграда. Изнервничалась там вся по поводу памятника моим родителям, но всё сумела сделать.

А в Москве она у Юры Саенко в гостях побывала! Обращалась к нему по поводу билетов на Канары (он по такого рода делам билетным теперь бизнесмен, некрупный, правда). С билетами он помочь не смог, а в гости пригласил. Тепло встретил. Жизнью доволен. Про науку не вспоминает. Новая жена, новая деятельность. Кто бы мог подумать?

У Маринки в Калининграде тоже новая семья. Тоже довольна. Сыновья же при отце. В том смысле, что в Москве. Они его и трудоустроили. Забавно.

8 августа. Температура воздуха плюс 18—27 градусов.

Сашуле – 54! Ходили с ней за Ленинградку, на правую горку. Нашли один маслёнок, две сыроежки, несколько горькушек. Нет грибов.

Разглядели с горки, что народ купается в озере у карьера, и пошли туда. Купались три раза, вода градусов восемнадцать, вполне приятно плавать.

Вечером Града и Татьяна Хвиюзова у нас в гостях.

11 августа. Иринке 32 года!

12 августа. Любе – 52!

15 августа. Митя получил приглашение в Италию на Школу по клеточной биологии! Он туда посылал заявку и тезисы доклада, мы с ним вместе ездили их отправлять международной почтой (где-то рядом с Ленкомом), когда я в Москве был (смотри запись от 18 июня).

Моё письмо Мите от 15 августа 1997 г.

Hello, sonny!

We are very glad to know about the invitation for you to Italy, congratulate and wait for the further information from you. Both of us, mama and me are working now and plan to go tomorrow to the forest to pick up mushrooms if they will be there.

Kiss you, dad.

16 августа. Ходили с Сашулей за Ленинградку по правой трассе. Грибов нет. Набрали четверть корзины хороших красных сыроежек на болотах.

Ирина с Мишей, Алёшей и котом Тимкой. Калининград, лето 1997 г. Иринке 33 года

21 августа. С Терещенко насчёт моего возвращения в ПГИ беседовал. Сформулировал ему свои условия: 1) зарплата не ниже, чем в университете, то есть доплачивать за профессорство; 2) техника вычислительная на необходимом уровне; 3) никаких препятствий для работы по совместительству в университете; 4) хотя бы раз в год поездки на основные геофизические сборища независимо от наличия грантов; 5) городской телефон и прочие мелочи типа пользования институтскими факсом, ксероксом, почтой без унижительного писания служебных записок «Прошу разре-

шить...».

Терещенко отвечал, что понимает мои требования, но в отношении зарплаты не считает возможным выделять меня среди остальных сотрудников ПГИ. Это, мол, вызовет справедливое неудовольствие народа.

На что я возразил: – Выделяйте не меня персонально, а профессоров. Их всего-то двое в ПГИ – я да Лазутин.

Реакция его на это была такая: – Ещё чего не хватало: Лазутину зарплату повышать! И вообще: чего Вы себе цену набиваете?

– Ценен не только я сам по себе. Речь идёт не только о моём личном благополучии. Для меня прежде всего важны условия для развития нашей модели, для обхода наших конкурентов по качеству научных результатов.

– Подумаешь, модель! Какая от неё институту польза? Кому она в ПГИ нужна?

– Леонтьеву, например. Мы же с ним сделали совместную работу по интерпретации его оптических данных с помощью нашей модели.

– Ну, что это за работа? Тезисы какие-то коротенькие.

– Не только тезисы. Нормальная статья полноценная в JATP. И Ляцкий благодаря нашей модели КОСТЕПовский грант получил. И Черняков жаждет свои спутниковые данные по интегральному электронному содержанию с помощью нашей модели объяснить, у меня руки до этого просто не доходят.

– Ну, подумаешь, Черняков. Что у него там за данные!

– Я и ваши бы томографические результаты мог бы интерпретировать, если бы доверял им. Вы же знаете мои претензии к вашей методике. Так что вопрос использования модели в ПГИ упирается не в модель, и не в наше нежелание работать с институтскими данными, а в то, что эти данные существенно уступают тем, что публикуются в зарубежных журналах. А от Вас, как от директора института я до сих пор вообще не слышал каких-либо предложений хотя бы обсудить возможности использования модели в институте. Вон, с норвежцами мы только малую толику наших возможностей успели реализовать у них в обсерватории, а сколько пожеланий у них сразу появилось!

От скептицизма в отношении нашей модели Терещенко перешёл к нападкам на университет, какая, мол, это контора паршивая, бесперспективная, кому она нужна, кто на неё будет деньги тратить, и т.д., и т. п. Чувствовалась его глубокая обида на ректора, который, в сущности, вынудил его уйти из университета как не справившегося с обязанностями заведующего кафедрой судовых радиотехнических устройств. Терещенко кафедру пустил на самотёк, а кадров там сильных не оказалось. Один был у него настоящий помощник – Власов Пётр Петрович, да и тот внезапно помер. Уйдя из университета, Терещенко начал прижимать в ПГИ всех совместителей, на бывшей его кафедре работавших: работайте, мол, в своё свободное время, а с 8.30 до 17.30 должны в ПГИ

находиться. Офонарел совсем.

Университет в моей защите, конечно, не нуждался. Я только заметил по этому поводу, что у меня там для работы условия лучше, хотя и свои проблемы тоже, конечно, есть, особенно с нагрузкой преподавательской. Но в целом, возвращаясь к основному предмету разговора, я свои условия возвращения в ПГИ сформулировал, а уж он, Терещенко, пусть решает – нужен я ему или нет.

Терещенко ответил, что как совместитель я ему не нужен. Я ему нужен как доктор наук в штате, это повышает вес института. Что касается моих условий, он должен подумать. На том и разошлись.

22 августа. Утром собрался за грибами, да встретил соседа Федю, который ночью аж к аэродрому бегал и ничего не нашёл. Он меня отговорил.

23 августа. Ездили с Боголюбовыми на 24-й километр Серебрянки. Нашли 33 подосиновика, 5 подберёзовиков, горькушки, сыроежки.

29 августа. Миша Волков подал заявление об увольнении из ПГИ: я его к себе на кафедру в доценты беру. Аналогичная ситуация – в ПГИ за доцентство не платят, а Миша к зарплате не равнодушен. Терещенко Мишу к себе пригласил и стал уговаривать не уходить. Оказывается, он его очень ценит. Предлагал сектор возглавить – наш! При живом его руководителе – Намгаладзе. Разряд обещал повысить. А если уйдёт, то совместительства ему не видать, пусть не надеется.

Миша заколебался. Прибежал ко мне советоваться. Я ему сказал:

– Смотрите сами. Вы же Терещенко знаете. Сейчас он Вам руководство сектором предлагает, а завтра этот сектор ликвидирует, если только я в ПГИ не вернусь, да ещё и Олег если в университет перейдёт. Кто в секторе останется? Он чисто формально будет прав: нет людей – нет сектора, нечем Вам руководить. А место доцента пусто не бывает, такую возможность не следует упускать.

Миша всё это прекрасно понимал и всё же колебался. Ему бы, конечно, хотелось и доцентом стать, и в ПГИ по совместительству остаться. Но выбрал он всё же университет. Не забыл как Терещенко его в старшие научные сотрудники прокатил.

31 августа. Ходили с Сашулей по правой трассе с 7.40 до 16.50. Принесли две корзины по 6.5 кг: 22 подосиновика, 16 подберёзовиков, 4 моховика, 1 маслёнок, горькухи, свинухи (!), чёрные грузди, сыроежки.

633. Сентябрь. Первая лекция по физике программистам. Поездка Мити в Италию на школу по липидной сигнализации. Предложение аспирантуры у Даниелы Корды

1 сентября. Прочёл за Власкова первую лекцию по физике программистам – первокурсникам первого набора на новую специальность «Программное обеспечение средств вычислительной техники и автоматизированных систем». Специальность эту отлицензировал и открыл на кафедре высшей математики её заведующий Виктор Игнатьевич Середа.

Мы с ним быстро нашли общий язык в том, что в рамках этой специальности можно и нужно открыть специализацию типа «Компьютерное моделирование» с ориентацией на использование нашей модели для курсовых и дипломных работ и с включением в учебный план соответствующих дисциплин на старших курсах, главным образом, по компьютерному моделированию околоземной среды.

Собственно, это была реализация идеи Серёжи Лебле, которую он тут ректору высказал во время своего визита сюда. У них в Гданьске аналогичная специализация называется

«Компьютерная физика».

Я добился увеличения часов по физике на новой специальности и пообещал Серее подготовить рабочие программы по спецкурсам (дисциплинам специализации «Компьютерное моделирование»).

6 сентября. Ходили с Сашулей по левой трассе. Очень хорошо было с утра за ручьём слева на горках. Принесли 1.75 корзины: 60 подосиновиков, 57 подберёзовиков, 21 моховик, 8 маслят, волнушки, горькухи, сыроежки и примерно 4 литра черники. Ходили с 8.20 до 19.40.

8 сентября. Очередной безрезультатный торг с Терещенко. Он мне повторил, что заинтересован во мне как в докторе наук, то есть как в номенклатурной единице, но и только. Большинство моих условий для него приемлемо, кроме зарплаты. Выделять меня он не собирается. Зарплата до конца года всем будет повышена, но что будет в следующем году – никому не известно. О совместительстве можно говорить до конца этого года, пока темы не закрыты. Новые темы возглавлять совместителям он не позволит.

Я ему ответил, что всё понял и приму окончательное решение после отпуска в октябре.

10 сентября. Отовсюду подосиновики тащат.

13 сентября. Плюс 9—13 градусов, переменно, ветер южный, слабый. Ездили с ПГИвским народом на Марфу, всё на тот же 11-й километр за Верхне-Тулومским. Подосиновиков прорва (а поехали-то за брусничкой). Набрали две кор-

зины (8.5 и 7.8 кг) и полкороба (4 кг) грибов (140 подосиновиков), и ведро ягод (5 кг), в основном, брусника.

Сашуля корзину полную в лесу оставила, а я её нашёл. Это цирк был настоящий. Мы в одном месте остановились уже на обратном пути к автобусу, я там грибы перекладывал, а Сашуля ягоды собирал. А когда уходили оттуда, Сашуля почему-то решила, что я её корзину взял, хотя у меня обе руки были заняты. Показалось ей так почему-то.

Спохватились минут через пятнадцать, когда сблизились, и Сашуля обнаружила, что её корзины у меня нет. Чуть плохо обоим не стало. Жалко, ведь, и грибов, и трудов затраченных. А где её искать? С поклажей обратно возвращаться и не очень понятно куда.

Но интуиция меня выручила и вывела-таки на то место. Нашёл корзину!

16 сентября. Мальчишка озябший в сенях магазина, скрючившись, грибы держал в руках – продать хотел.

17 сентября. На заседании редакционно-издательского совета МГТУ приняли решение об отсрочке выпуска первого номера, не гнать его к конференции «Северные университеты». Маловато статей набрали, народ не раскачался ещё после отпусков, как ни старались мы с Яровым его расшевелить (Валера уже действовал как ответственный секретарь редакции, хотя штатного расписания ещё не существовало, и денег нам за эту работу пока не платили). И хоть наша статья (авторы – я, Олег, Миша, Сашуля и Роман) на англий-

ском была сверхобъёмной (60 с лишним страниц), остальные выглядели несолидно.

Забавно, что в состав редколлегии вошёл Пивоваров и оказался как бы у меня в подчинении. Со мной он теперь здоровался каждый раз при встрече, и даже улыбался.

18 сентября. Митя в Италию отбыл на Школу (по липидной сигнализации – одному из видов передачи информации по клетке). А перед этим телеграмму прислал: «Свяжись с Ла Костой». Оказалось, клуб «Сан-Антонио» считает, судя по компьютерным данным RCI, меня неплательщиком за коммунальные услуги! Сплошное расстройство. У меня же квитанция Ллойд Банка на руках об уплате! Я же её копию в Англию отсылал. Может, надо было ещё и прямо в «Сан-Антонио» послать? Придётся самому в Москве к Шиловой все документы тащить и просить её помощи.

Отчёт Мити о поездке в Италию на Школу по липидной сигнализации (18—26 сентября 1997 г.)

Наконец-то, добравшись до Москвы, я нашёл время для того, чтобы зафиксировать все впечатления от своей итальянской поездки.

Итак, 18 сентября, в четверг, я вылетал рейсом «Аэрофлота» в Рим, откуда в пятницу шёл автобус в институт «Mario Negri Sud». Таким образом, мне предстояло провести ночь в Риме. Ещё в Москве я пытался выяснить, какова там ситуация с гостиницами. Прежде всего я проводил по-

иск по «Интернету», однако там есть сведения в основном о дорогих отелях, не менее трёх звезд (с ценой за одноместный номер от 50—70\$), а мне хотелось найти отель подешевле и рядом с вокзалом.

Алевтина Трофимовна Мевх сказала мне, что рядом с вокзалом огромное количество весьма дешёвых отелей, и что я легко смогу найти, где переночевать. На всякий случай я сделал себе ещё и студенческую карту, по которой мне могла быть предоставлена скидка в отеле, и взял адреса отелей, где такая скидка действительно существует. Пара таких отелей была рядом с вокзалом. Так что я летел в Рим, не особенно переживая по поводу ночёвки.

Больше же всего хлопот мне доставил мой постер. Я решил делать его примерно таким же, какой был у Маши Гончар на конгрессе по молекулярной биологии в Сан-Франциско (она летала туда в конце августа), а именно отдельные листы на цветном картоне. В целом это выглядит неплохо и вполне конкурентоспособно. Но оказалось, что в Москве очень сложно найти цветной картон, точнее, листы большого формата. Единственное, что я видел в канцелярских магазинах – наборы для школьников, однако там картон разноцветный, а мне нужен был однотонный.

И только за день до отъезда я нашёл фирму, которая торгует картоном (и бумагой) любого цвета и текстуры, и продаёт даже по одному листу. Там я и купил три листа чёрного картона (можно было бы купить любого цве-

та, но для этого надо было ехать на склад на другой конец Москвы, а на это времени у меня уже не было) размером 70 на 100 см. И в ночь перед вылетом я занимался кройкой этого картона и наклеиванием на него фрагментов моего постера.

В целом вышло неплохо, но над чем я не подумал, это над однообразием линейных размеров этих листов. Некоторые листы были в портретном формате, некоторые в альбомном, а в некоторых ещё отдельно от листа с рисунком была и подпись к нему. В результате у меня было листов пять формата 25x35, пара 35x35 и один 25x50. Конечно же, это не помещалось ни в дорожную сумку, ни в рюкзак, и я вёз свой постер в отдельном пакете.

Из Москвы мы вылетели в семь часов вечера. Должны были лететь на А310, но, наверное, билетов купили немного, и нам подали Ту-154. Большинство пассажиров, в том числе и мои соседи, были итальянцы. Лететь до Рима почти четыре часа, то есть прилетали мы в 9 часов вечера по местному времени. Лететь в Ту-154, конечно, не очень удобно, а у меня ещё и постер в пакете перед носом болтается. Но в конце концов добрались, садились уже в темноте, так что ничего я практически не разглядел, к тому же и сидел не у окна.

Температура в это время была градуса 23 (а в Москве – 18, день был довольно тёплый). Я без проблем прошёл все контроли и пошёл на станцию (она соединена с основным

зданием аэропорта закрытым переходом). Я успевал на последний поезд до центрального вокзала; он идёт без остановок, преодолевая расстояние 33 км за 30 минут. Билет в один конец стоит 15.000 лир – примерно пятьдесят тысяч рублей (1 лира = 3.2 рубля). Лiry (300.000) я купил ещё в Москве.

Электричка похожа на ту, в которой мы ездили в Испании, то есть такие же самолётные кресла и кондиционирование. Расписание, правда, соблюдается хуже, особенно днём (в последнюю мою поездку она опоздала с отправлением минут на пятнадцать). В общем, на вокзал (Termini station) я приехал почти в одиннадцать часов вечера.

Ещё в Москве я купил карту Рима и знал, куда надо идти в поисках отеля. Я собирался пойти в отель, где точно есть скидка для студентов. Он находился на улице, параллельной путям, второй от вокзала. Отель я нашёл быстро, но мест в нём не было. Однако, действительно, практически все здания на этой улице были отелями, большинство из них 1—2 звёздочные. Поэтому я, не задумываясь, пошёл в следующий отель, но там тоже не было мест. То же самое в третьем, и в четвёртом.

Я почувствовал, что ситуация становится неприятной. Время – половина двенадцатого; отели, судя по всему, забиты, и где ночевать – непонятно. Но делать нечего, и я продолжил свой поиск. В целом я ходил по окрестностям вокзала часа полтора, с дорожной сумкой, рюкзаком и пакетом

с постером. Я обошёл больше двадцати отелей, и ни в одном из них не было места, ни за какую сумму. Я был совершенно измотан, возненавидел Рим и проклинал себя за то, что доверился информации своего шефа о лёгкой возможности найти жильё рядом с вокзалом.

Где-то в районе часа ночи я вернулся на вокзал, где, слава Богу, можно было найти свободное кресло в зале ожидания. Там было человек пятьдесят, многие были, видимо, в такой же ситуации, как и я. В общем, я провёл примерно такую же ночь, как в прошлом году в пулковском аэропорту после Испании.

В пять-пятнадцать открывались вокзальные камеры хранения, я закинул туда свою сумку и отправился гулять по Риму. Автобус в институт уходил из аэропорта в час дня, с вокзала я собирался отправиться электричкой в 11.22, так что времени у меня было почти шесть часов. В полшестого утра было ещё совсем темно, но на вокзале жизнь уже начиналась, отправлялись первые поезда. Оказалось, что в целом на вокзале ночь проводило огромное количество людей, в основном молодёжь. Не знаю, то ли они туристы, то ли бездомные, понять сложно.

Я двинул в направлении площади Республики, где должен был находиться фонтан с подсветкой. Мне, однако, не повезло – фонтан ремонтировали. Я пошёл по направлению к центру по абсолютно пустынным улицам. Правда, уже открывались газетные киоски и кафе (где-то около ше-

сти часов). Светать начало около семи. В это время я вышел на площадь Венеции к великоленному Monumento Vittorio Emanuele, на мой взгляд, самому красивому архитектурному сооружению Рима.

Выглядит это как какое-то здание, но на самом деле это памятник первому итальянскому королю (объединённой Италии) Виктору Иммануилу II. В принципе это дань не столько королю, сколько символ единства нации. Кроме того, мемориал включает Могилу Неизвестного Солдата – в память о воинах, погибших в Первую Мировую Войну (монумент был воздвигнут в начале двадцатых годов). Описать его сложно, да и изображений его я привёз много. Пожалуй, из всех зданий Рима он мне понравился больше всего.

На площади Венеции я перекусил в кафе. Заказал кофе; оказалось, что порция cafe у них означает чашечку объёмом миллилитров тридцать. Лучшие заказывать капучино, там объём нормальный. Вместе с кофе я съел сэндвич и рогалик, всё это обошлось в 4.500 лир. Рядом с монументом Vittorio Emanuele я увидел первые римские развалины – форум Траяна. Не сказать, что это производит огромное впечатление, поскольку не очень чувствуется отпечаток времени. Вообще, выглядит это так, как советские фундаменты на брошенных стройках (я, конечно, утрирую, но, действительно, большого впечатления это не производит).

Одна из дорог, уходящих с площади, упирается в Колизей. Издалека в утренней дымке он казался особенно вели-

чественным. По правой стороне дороги находился центр античного Рима – капитоллийский и палатинский холмы. Вообще центр Рима достаточно ровный, а исторические холмы не очень высокие. Более высокие холмы на противоположном берегу Тибра, но и там хватает ровного места (например, весь район Ватикана). Однако на исторические холмы я не пошёл, а отправился к Тибру.

Надо сказать, что в целом центр Рима не очень красив. Здания построены весьма просто, покрашены в основном в разные оттенки коричневого цвета и выглядят довольно обветшалом (трудно определить их возраст). Всё это не идёт ни в какое сравнение с северными городами, например с Гданьском, где каждый дом по своему индивидуален (в рамках «Ганзейского стиля»). Здесь всё это грубее, тяжеловеснее и однообразнее.

Улицы Рима не очень широкие, поэтому очень популярным средством передвижения являются, как и в Испании, мотоллеры. К тому же на них и в пробках передвигаться гораздо быстрее. Правда, на основных магистралях достаточно сильная загазованность, так что некоторые мотоциклисты ездят в масках.

Автомобили же в основном самого малого класса, таких моделей в Москве практически не встретишь. Подавляющее большинство, конечно же, «Фиат», есть также «Форды» и «Рено» (опять же самых малых классов). Очень много автобусов – это, наверное, самый распространённый тип об-

щественного транспорта. Кроме автобусов, в Риме ходят трамваи, а также есть две ветки метро. Я, правда, так и не воспользовался ничем, поскольку исторический центр на самом деле весьма компактен.

Впрочем, я немного отвлекся. К Тибру я вышел, когда солнце совсем взошло. Тибр тоже не производит впечатления. Река не очень широкая, мутноватая, течение достаточно быстрое. Зато очень красиво с реки смотрится купол Собора Святого Петра за холмом. Я прошёл немного по набережной Тибра, перешёл его по другому мосту и вышел к огромному полю (метров триста длиной и сто шириной), во времена древнего Рима бывшего стадионом (Circus Maximus). Я прошёл вдоль этого поля, по левую сторону от меня был палатинский холм; вход туда был ещё закрыт (я проходил там около восьми часов утра). Обходя его, я в конце концов вышел к Колизею. Действительно, это величественное сооружение.

Далее я пересёк эсквилинский холм и вышел к местному рынку. Он весьма похож на наши барахолки, где-то есть просто развалы всякого тряпья, где-то продают нормальные вещи. Особо выгодно там покупать большие чемоданы (раза в три дешевле, чем в Москве) и, конечно же, всякие футбольные вещи (особенно клубные футболки – тысяч сорок рублей). Впрочем, футболок у меня пока хватает. Меня поразила огромная разница между ценами на фрукты – на рынке они в целом в четыре раза дешевле, чем в центре

(персики, виноград – тысяча 6—8 рублей).

От рынка я прошел к вокзалу. Поскольку я гулял рано утром, народу на улицах практически не было, и только у вокзала уже было большое столпотворение. Было только девять часов, и я отправился в другую сторону (весь центр находится к западу от вокзала, а я пошёл на восток) – в район университетского городка и центральной больницы. Там я побродил ещё час, затем вернулся, поел в вокзальном Макдональдсе и поехал в аэропорт.

За час до назначенного времени отбытия автобуса я был в зале прилёта и стал искать человека с соответствующим знаком (как было указано в приглашении). Однако среди множества встречающих представителей FEBS не было. За двадцать минут до времени отправления я начал беспокоиться. Может быть, я нахожусь не в том месте сбора?

Я решил позвонить в институт, и уточнить детали отправки автобуса в институт. За десять минут до времени отправки ещё никого не было, и я купил-таки телефонную карту за 10.000 лир. Пока я искал свободный автомат, наконец-то объявилась девушка с FEBSовским плакатиком (фактически в назначенное время отправки). Она показала, где находится автобус, и я отправился на посадку.

Везли нас на здоровенной двухэтажной «Сетре». Я залез на второй этаж. Там на передних сиденьях уже сидело трое человек. Оказалось, все они из разных мест – парень из Голландии, девушка из Швеции, и англичанин чуть постарше.

Потом выяснилось, что этот англичанин – Фил Хокинс – один из лекторов и, наверное, один из самых ярких учёных из числа присутствовавших на школе (а там собрались наиболее выдающиеся специалисты в своих областях).

Потом к нам присоединился ещё один человек лет шестидесяти с внешностью наших бомжей – длинная густая борода и такие же длинные волосы, заплетённые в «конский хвост», одет в футболку и сандалии на босу ногу. Оказалось, это Боб Мишель из Бирмингема – он должен был в этот день открывать Школу своей лекцией. У них с Филом тут же завязалась оживлённая научная дискуссия на тему кто что публикует (у Боба, например, как раз в эти дни выходит статья в *Nature*) – они, наверное, хорошо знакомы.

Голландец и шведка, как и я, были студентами (он аспирант второго года, она первого). Харальд Мейер (так звали парня) провёл ночь в аэропорту, а Сара Ниландер всё-таки нашла отель в Риме. Далее разговор шёл на общие темы. Надо сказать, что у моих попутчиков уровень английского получше, говорят они свободно и с несильным акцентом. Сара, правда, целый год провела в Манчестере, а в Голландии все очень хорошо говорят по-английски (да и Харальд поездил по Европе, в том числе и по Англии).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.